

Шогенова Марина Чашифовна

СИМВОЛЫ В СОЗНАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СРЕДСТВО ОСМЫСЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается символизация как одно из важнейших и действенных средств осмысления, понимания и оценки картины мира в сознании этнокультурной языковой личности. В качестве эмпирического материала использованы фразеологические и паремиологические единицы русского, кабардинского и балкарского языков с компонентами-символами шапка и платок, имеющими культурно-маркированное содержание. Их анализ позволяет выделить такие смысловые константы универсальных оппозиций, как "женщина-мужчина", "богатый-бедный", "хорошо-плохо", "свой-чужой", содержащие этнокультурную и лингвокогнитивную информацию, важную для понимания специфики миропонимания этносов .

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 212-215. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. Складневская Г. Н. Словарь православной духовной культуры / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука, 2000. 278 с.
18. Словарь Академии Российской 1789-1794: в 6-ти т. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2002. Т. 3. 832 с.
19. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. Т. 2. 736 с.
20. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 252 с.
21. Словарь современного русского литературного языка. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 6. 1459 с.
22. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. М.: Знак, 2003. Т. 2. 920 с.
23. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
24. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. Т. 4. 1500 с.
25. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
26. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. А-Пантомима. 624 с.
27. Шевченко И. С. Понятие «лексика духовно-нравственного содержания» применительно к словарному составу национального русского языка // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы X Международной научно-методической конференции / под ред. проф. О. В. Загорской. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. Ч. 1. С. 152-156.

**ON SEMANTIC COUNTERPOINT OF THE WORD “LOVE”
IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE**

Shevchenko Irina Sergeevna
Voronezh State Pedagogical University
lirishechka@mail.ru

The article is devoted to the semantic counterpoint of the word “love” in the Russian language and the Russian spiritual culture. The author considers the principal components of the content plan of this lexical unit in the Russian language picture of the world and the semantic space of the Russian linguo-culture identified on the basis of the analysis of historical and contemporary linguistic and culturological dictionaries. Special attention is paid to the need of adequate representation of the semantic duality of the lexeme “love” in the explanatory dictionaries of the modern Russian language.

Key words and phrases: spiritual culture; language picture of the world; language development; etymology; semantics of word; semantic component; semantization; lexicography; linguistic dictionary.

УДК 81.2

Филологические науки

*В статье рассматривается символизация как одно из важнейших и действенных средств осмысления, понимания и оценки картины мира в сознании этнокультурной языковой личности. В качестве эмпирического материала использованы фразеологические и паремические единицы русского, кабардинского и балкарского языков с компонентами-символами **шапка** и **платок**, имеющими культурно-маркированное содержание. Их анализ позволяет выделить такие смысловые константы универсальных оппозиций, как «женщина-мужчина», «богатый-бедный», «хорошо-плохо», «свой-чужой», содержащие этнокультурную и лингвокогнитивную информацию, важную для понимания специфики миропонимания этносов.*

Ключевые слова и фразы: символ; этнокультурная языковая личность; этнокультурная и лингвокогнитивная информация; когнитивное сознание; универсальные оппозиции.

Шогенова Марина Чашифовна, к. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
shog-marina@yandex.ru

**СИМВОЛЫ В СОЗНАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
КАК СРЕДСТВО ОСМЫСЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА ©**

Как известно, в познавательной деятельности человека часто используются символы, в которых концентрируется его опыт, знания о мире, специфика восприятия и понимания им окружающей действительности. В них интегрируется модель, как индивидуального сознания личности, так и ментальности целого народа, что обуславливает укрепление прочности их смысловой позиции в пространстве культуры. В свою очередь незыблемый, устойчивый характер символов детерминирует константность их ценностно-смыслового содержания в контексте временной и пространственной парадигмы культуры. По определению Клиффорда Герца, «...понятие культуры... обозначает исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему исследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собой и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные

установки» [Цит. по: 2, с. 43]. Следовательно, символизация выступает одним из важнейших и действенных средств осмысления, понимания и оценки картины мира.

В сознании языковой личности символы фиксируются невербальным (предметным, вещественным) и вербальным (словесным) способами, последний из которых предопределяет специфику восприятия мира и его отражение в этническом сознании при помощи средств языка. По словам А. В. Медведевой, символ занимает значительное место в интеллектуальном развитии человека, а символическая теория ценностей в современной аксиологии рассматривает символ даже в качестве основного дифференциального признака человеческой деятельности [9, с. 4].

Человеческое сознание, как известно, предрасположено к постоянному поиску определения общности и специфики наблюдаемых им окружающих явлений, предметов, процессов, что детерминировано разными факторами, среди которых этническое восприятие при помощи средств языка часто определяет их культурно-символический статус. В словесном символе сосредоточена скрытая ментальность, семантика которой открывается лишь в процессе погружения языковой личности в этническую культурно-языковую среду. Такое «символьное прочтение» и понимание предлагает и В. Н. Телия, которая подчеркивает, что «... в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персон) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую» [11, с. 243]. В связи с этим актуализируется культурно-национальный характер символа, его специфика воплощать особенности восприятия индивидуальной или коллективной языковой личностью окружающего мира, концентрировать духовно-ценностное этническое содержание ментальности представляемого ею народа.

В контексте настоящей работы символ понимается нами как языковая единица, «внешний план» которой основан на ассоциативном восприятии предмета, а план его содержания детерминирован скрытой культурной информативностью, что придает словесному знаку статус этнической идейности, усиливающей феномен ценностно-смысловой и поведенческой направленности в структуре языковой личности. Ярким примером символов в культуре многих народов являются лексемы, которые номинируют названия одежды как фрагмент воплощения национально-культурного восприятия окружающего мира. К такой тематической группе относится, в частности, головной убор, который всегда считался «... знаком эпохи, социальной среды, моды; отражал исторические и культурные реалии, что и обусловило его особую символическую роль в языке» [8, с. 12]. Данный факт предопределил рассмотрение в настоящей статье лингвосимволического статуса лексем *шапка* и *платок* как словесных знаков, с которых «считываются» некоторые особенности ментального поведения и мышления этнокультурной языковой личности.

В прямом номинативном значении слово *шапка* обозначает «головной убор (преимущественно теплый, мягкий)», а *платок* – «предмет одежды – кусок ткани, обычно квадратный, или вязаное изделие такой формы». Однако при внешней ясности и прозрачности названий символическое значение лексем *шапка* и *платок* соотносится с более глубокой смысловой нагрузкой, экспликация которой становится возможной в контексте определения их позиций в системе этнокультурной парадигмы.

Семантика слов *шапка* и *платок* первоначально соотносится со значением антропоморфного символического кода, а на ассоциативном уровне эти лексемы отождествляются с человеком, лицом, носящим шапку или платок. Следовательно, лингвистически оформленное и закрепленное в сознании языковой личности этнокультурное восприятие *шапки* и *платка* связано, прежде всего, со статусом их «хозяина» или «хозяйки» в контексте разной модальности, что и позволяет эксплицитно и имплицитно актуализирует прагматические качества мужского характера, а *платок*, обладая атрибутированной символикой именно женской одежды, обуславливает статус и поведение личности женщины. По словам исследователей, «... этнографические материалы позволяют утверждать, что наличие в языках образных выражений с элементом “шапка” показывает универсальность и общечеловеческий характер отдельных обрядов» [1]. Действительно, в сознании представителей разных этнических групп данная символика репрезентирует нечто большее, чем просто головной убор. *Шапка* позиционирует мужчину, что подтверждается, например, в русской поговорке *на парне да на мужике все та же шапка, а девка простоволоса, женка покрыта* [3, с. 468], а в этнической культуре кабардинцев и балкарцев символика лексемы *шапка* ассоциируется с достоинством человека и мужской честью, является олицетворением мужества, храбрости и подчинена морально-нравственному кодексу кабардинцев и балкарцев. Например, устойчивые выражения: *пылэр зыцгыгыр лыцц* (каб.) [7] (кто носит шапку, тот мужчина (настоящий)); *башына бёрк кийген* (балк.) (носящий на голове шапку (о мужчине)); *бёркюн тас этген да бир, бетин тас этген да бир* (балк.) – (потерять папаху и потерять честь – одно и то же); *бёркю аманны – бети аман* (балк.) (у кого папаху плоха, у того и совесть плоха) [6, с. 240] воплощают национально-культурную коннотацию и символизируют традиции и обычаи народов. Ценность шапки для мужчины порой подтверждается и в таких выражениях, как *узэчэнджэщын умыгыуэммэ, уи пылэм ечэнджэщ* (каб.) [5, с. 170] (не с кем держать совет – спроси свою шапку) [4, с. 146]; *адам табмасанг бёрк агъач бла да кенгеи* (балк.) (если не с кем посоветоваться, то советуйся даже с (шляпной) болванкой).

Символ *платок* отличается также гендерной характеристикой и является атрибутом только женской одежды. В когнитивном сознании многих народов чаще платок – это подарок, сувенир, который является знаком признания, уважения, преклонения, любви. Так, в знаменитой песне на слова Г. Пономаренко в исполнении Л. Зыкиной создается образ русской женщины-матери, глубокие чувства любви и признания к которой передаются при помощи символа *оренбургского пухового платка*: «... Ты накинь, дорогая, на плечи Оренбургский пуховый платок... И тебя, моя мама, согреет Оренбургский пуховый платок» [10]. Метафорично представляется символ *синего платочка*, который является памятью, оберегом, придающим уверенность

в борьбе с врагом, и в другой русской песне в исполнении К. Шульженко: «...*Сколько заветных платочков Носим в шинелях с собой. Нежные речи, девичьи плечи Помним в страде боевой...*» [Там же]. В то же время в кавказской лингвокультуре платок – символ чистоты и достоинства женщины-горянки, символ скромности и смирения, предписывающий соблюдение нравственных и религиозных принципов поведения. Например, такой обычай, как *надевание платка (IэльэциI зэтэльхээн)* – это целая этнокультурная традиционная система, в которой отражаются нормы поведения женщины, нормы взаимоотношения между старшими и младшими, между мужчиной и женщиной, а также некоторые этнические особенности обычаев культурной жизни народов Кавказа. А обычай ввода невесты в «жилой, большой дом» (*келинни юйге кийирген*), который символизирует приобщение невесты к семейному очагу, связан с обрядом открытия лица невесты (*бет ачхан*) путем снятия с головы невесты платка-покрывала (*келинни баш ауун алыу*). Очевидно, поэтому юной девушке желают дорогой платок – *ауругъаннга – кийик саулукъ, жетген кызгъа – чилле жаулукъ* (балк.) (больному – турье здоровье, девушке – шелковый платок).

Следует отметить, что символика цвета платка дает информацию о возрастном статусе его носителя. К примеру, белый цвет платка – символ чистоты – характеризует юную, молодую девушку, невесту. Платок нейтрального, более спокойного, темного цвета чаще носят замужние и пожилые женщины. Интересными являются и приметы, связанные с платком, которые определяют семейный статус его носителя: завязанный спереди узелок платка – признак незамужней женщины (*IэльэциI кIапэхэр жьэгъум цызэрыдзауэ бзылхугъэм телъмэ* (каб.)); завязанные сзади концы платка – признак замужней женщины (*адыгэ бзылхугъэм и IэльэциI кIапэхэр цхъэ цIыбым, цхъэцI лъабжъэм цызэрыдзамэ* (каб.)); завязанные на лбу концы платка символизируют многодетную мать (*адыгэ цIыхубзым и IэльэциI кIапэхэр и натIэм деж цызэрыдзамэ ар бынунэ хъуац* (каб)).

Значимость шапки усиливается и в контексте определения социального статуса человека, оценки его возможностей, то есть лексема *шапка* вербализуется и концептуализируется в оппозиции «**богатый-бедный**». Так, фразеологическая единица русского языка *по Сеньке и шапка, по Ерёме и колпак* со значением «*кто-либо того и достоин, что-либо того и заслуживает*» [12, с. 532] несет национально-культурную информацию, ведь раньше среди русских бояр степень состоятельности определялась по высоте шапки. Или же ср: *шапочка в две денежки – и та набекрень*. В русском сознании *шапка* обязательно должна прикрывать голову обычного простого мужика, крестьянина. Так, говорили: *Со всем Максим и шапка с ним (и Аксинья с ним); без рубля как без шапки; баранья шапка на бараньей голове* [3, с. 308]. Балкарское выражение – *мене бёркюмю тубюнде менден онглу жокъду* (балк.) (под моей шапкой никого нет зажиточнее меня) – свидетельствует о том, что шапка в сознании языковой личности ассоциируется с материальным достатком, означает – *крепко стоять на ногах*.

Символику *шапки* можно рассмотреть и в координате «**свой-чужой**». В этом контексте интересным представляется репрезентация при ее помощи запрета на чужое. Так, в этическом кодексе балкарского народа «*Ёзден адет*» [6], в котором закреплены и отражены особенности этнического мировосприятия, в том числе и символика *шапки (папахы)*, лексема проявляется в контексте уважения к чужому, проявления толерантности. Например, выражение: *биреуню атын чайнама, бёркю бла ойнама* [балк.] (не склоняй чужое имя, не играй с чужой папачой) [Там же, с. 240] утверждает особое отношение и уважение к чужому в любой форме его проявления. В то же время фразеологизм *снять шапку или снимаю шляпу* в русском языке означают «выражать свое почтение, уважение кому-либо» [12, с. 441], проявить внимание к чужому, другому и используется в ситуации, когда необходимо подчеркнуть его значимость, а пословица *в какой народ попадешь, такую и шапку и наденешь* [3, с. 429] символизирует утверждение принципа «при необходимости принимать условия чужой стороны, соблюдать ее обычаи».

Лексема *шапка* предопределяет и оценочную сферу жизнедеятельности человека, символизируя признаки «**хорошо-плохо**». Такие выражения, как *по шапке встречают; красивую шляпу на умную голову; если есть голова, то есть и шляпа* и другие позиционируют человека с точки зрения оценки достоинств и недостатков личности, внутреннего и внешнего мира человека и т.п.

Ношение шапки предопределяет выполнение ряда обязательств, среди которых можно назвать умение доводить дело до конца, держать данное слово, что и оценивается с точки зрения «истинного мужчины в шапке»: «*Как много папахы носящих и как мало мужчин настоящих!*». Оценочной является и кабардинская пословица *пыIэ жьынэ* (каб. разг.) – о слабом человеке (чаще о мужчине), который проявил слабость в словах и поступках. Есть ассоциации и с *платком*, которые также несут в себе положительные и отрицательные смысловые оттенки. Например, выражение *снять платок* идентично фразе *снять шапку*, то есть имеет негативную окраску. Это выражение объясняется как «публично пристыдить, опозорить кого-либо; выразить кому-нибудь недоверие». В связи с этим вспоминается и слово «опростоволоситься», то есть лишиться головного убора – букв. *оказаться с непокрытой головой – попасть впросак, ошибиться, осрамиться*. В контексте оппозиции «**хорошо-плохо**» можно рассмотреть и положение шапки на голове: *тот не пьян еще, коли шапка на голове*, а если *шапка набекрень*, то человек уже пьян и плохо соображает. В данном контексте можно рассмотреть и приметы с шапкой: *не играй шапкой, голова будет болеть* (плохая примета) [Там же, с. 251].

Таким образом, рассмотрение процесса символизации как одного из важнейших и действенных средств осмысления, понимания и оценки картины мира в сознании этнокультурной языковой личности позволяет заключить, что символы обладают не только вещественным, предметным значением, но отражают и культурные особенности народов в виде когнитивных дефиниций. Так, эмпирический материал с компонентом *шапка* и *платок*, проанализированный нами, позволяет заключить следующее:

1) функция лексем *шапка* и *платок* неоднородна: будучи носителем прямой номинации в языке, они являются символом концентрации этнически и культурно насыщенной информации;

2) символика *шапки* и *платка* в когнитивном сознании этнической языковой личности детерминирована морально-этической, оценочной и поведенческой направленностью;

3) языковые единицы с компонентами *шапка* и *платок* позволяют выделить культурно-этнические коннотации, в частности в таких универсальных оппозициях, как «мужчина-женщина», «богатый-бедный», «свой-чужой», «хорошо-плохо».

Список сокращений

Балк. – балкарский язык; каб. – кабардинский язык.

Список литературы

1. Аликаев Р. С., Башиева С. К., Ашинова И. В. Стратификация пола как этно- и социокультурный феномен // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы: мат-лы междунар. конф. Нальчик, 2003. С. 5-15.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2004. 616 с.
4. Жабаги сказал // Предания о Жабаги / сост. А. Т. Шортанов, пер. с кабард. М. Сокурова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 146-147.
5. Жэбэгъы жиӀащ // Къэзэнокъуэ Жэбэгъы. Нальшык: Эльбрус, 1984. С. 170-172 (на кабардинском языке).
6. Ёзден Адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.
7. Кабардинские пословицы / сост. З. П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1982. 148 с. (на кабардинском языке).
8. Кузьмина И. А. Языковая репрезентация понятия «головной убор»: лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2013. 22 с.
9. Медведева А. В. Символическое значение как тип значения слова (на материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций), предметов и явлений материальной культуры): дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2000. 190 с.
10. Русские советские песни (1917-1977) / сост. Н. Крюков, Я. Шведов. М.: Художественная литература, 1977. 751 с.
11. Теля В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

SYMBOLS IN CONSCIOUSNESS OF LINGUISTIC PERSONALITY AS MEANS OF COMPREHENSION OF WORLDWIEV

Shogenova Marina Chashifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkaria State University named after H. M. Berbekov
shog-marina@yandex.ru

The article considers the symbolization as one of the most important and effective means of comprehension, understanding and evaluation of the picture of the world in the consciousness of the ethno-cultural linguistic personality. The phraseological and paroemiological units of the Russian, Kabardian and Balkar languages with the components-symbols **hat** and **headscarf**, having the cultural marked content, are used as the empirical material. Their analysis allows identifying such semantic constants of universal oppositions as “woman-man”, “rich-poor”, “good-bad”, “one’s own-smb’s else”, containing ethno-cultural and linguo-cognitive information important for the understanding of the specifics of ethnic groups’ outlook.

Key words and phrases: symbol; ethno-cultural linguistic personality; ethno-cultural and linguo-cognitive information; cognitive consciousness; universal oppositions.

УДК 372.881.161.1

Педагогические науки

В статье обосновывается необходимость изучения именных частей речи с учетом функционально-семантического, компетентностного, текстоориентированного подходов, позволяющих реализовать обучение русскому языку как неродному в свете требований нового ФГОС; анализируется методическая литература по проблеме исследования и выделяются ключевые вопросы, на которые следует обратить особое внимание при изучении морфологии в школьном курсе русского языка.

Ключевые слова и фразы: русский язык как неродной; именные части речи; лингвометодические традиции; функционально-семантический, компетентностный, текстоориентированный подходы.

Юсупова Зульфия Фирдинатовна, к. пед. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Usupova.Z.F@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО[©]

Методика изучения морфологии была и остается предметом внимания многих ученых-методистов и лингвистов, поскольку от продуманной системы обучения частям речи зависит правильное и уместное употребление их в речи [1; 3; 4; 8; 9; 13; 17; 18].